

Н.Л. Соколова*

В ПОИСКАХ «ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ»: Р. РОРТИ И Р. ШУСТЕРМАН

В статье рассматриваются основные аргументы Р.Рорти и Р.Шустермана, которые пытаются обосновать идею «эстетической жизни» как этику и идеал жизни в современную эпоху. Согласно Рорти, эстетическое «самомозидание» – это непрекращающийся поиск нового опыта и новых «словарей». Необходимость «эстетической жизни», по его мнению, вытекает из антиэссенциализма в трактовке человеческого «Я». Хотя Шустерман разделяет рортовский отказ от эссенциализма, он настаивает, что эстетическое «самоконструирование» должно включать соматическое измерение. Он также критикует Рорти за «лингвистический эссенциализм» и понимание «эстетической жизни» как исключительно приватного проекта.

В своей статье «Фрейд, мораль и герменевтика» Р. Рорти заявил, что после Галилео, Дарвина и Фрейда «кажутся невозможными ни религиозная, ни секулярная и либеральная мораль, а третьего не появилось» [2. С. 180]. Тем не менее, в своих последующих работах он стремится обосновать третью – альтернативную – модель этического, а именно «этику вкуса» как этику и способ жизнедеятельности в эпоху постмодерна. Попытка Рорти обосновать идеал «эстетической жизни» (*aesthetic/artistic life*) находится в русле дискуссий в современной постаналитической философии и отражает наиболее важные темы, которые обсуждаются в ней сегодня. Свои версии «эстетической жизни» («эстетического самоконструирования») предложили Р. Шустерман, С. Кейвелл, А. Неймас.

На мой взгляд, логика дискуссий вокруг концепций «эстетической жизни» лучше всего проясняется полемикой Р. Рорти и Р. Шустермана, который является последователем Рорти в его критике аналитической философии и возрождении прагматизма и одновременно его настойчивым критиком. Идея «эстетической жизни» Р. Рорти органично вписывается в его проект неопрагматистской

* © Соколова Н.Л., 2007

Соколова Наталья Леонидовна – кафедра социологии и политологии Самарского государственного университета.

«реорганизации» философии как упразднения «метафизики» и обоснование либеральной утопии периода постмодернизма. У Шустермана понятие «эстетической жизни», или «эстетического самоконструирования» (*self-fashioning*), является одним из центральных в его философско-эстетической концепции, которую считают наиболее значительной попыткой обосновать эстетику прагматизма после Д.Дьюи.

Основные идеи, связанные с темой «эстетической жизни», изложены Рорти в его статье «Фрейд и моральная рефлексия» (1986) и в книге «Случайность, ирония и солидарность» (1989). Рорти считает, что необходимость «жить эстетически» связана с утратой веры в существование универсальной «природы» человека. Более того, сегодня нельзя говорить даже о неизменной связанной сущности отдельной личности. Он подчеркивает особенную важность исследований Фрейда, которые, по его мнению, позволяют отказаться от понимания самости как структуры, имеющей центр с наличием цели, которая определяет сущность человеческого. Скорее, чем нечто целостное, человеческое «Я» есть хаотическая, «децентрализованная» комбинация «квази-«Я», «квази-персон», продукт «беспорядочных сочетаний случайных и идиосинкразических потребностей», которые формируются и модифицируются «множеством идиосинкразических случайных эпизодов» [4. С. 11-12]. Такая децентрализация, множественность «Я» открывает, по Рорти, новые возможности для эстетической жизни как этики. Поскольку нельзя говорить о «природе» человека (которая может быть «открыта» и которой можно было бы следовать), единственным способом поисков должной, «благой» жизни является жизнетворчество по образцу создания произведения искусства.

Как известно, человеческое «Я» Рорти рассматривает только как сложную «сеть» словарей и нарративов: «люди – просто воплощенные словари»; это просто «слова, которые... делают нас тем, чем мы являемся» [5. С. 88,117]. Поэтому для него самореализация (*self-fulfillment*) и самосозидание (*self-creation*) – это не актуальный жизненный эксперимент; он совпадает с процессом создания нового «словаря», формируя который человек одновременно выстраивает себя как уникальное неповторимое «сочетание верований и желаний». Эстетическое самосозидание в терминологии Рорти есть процесс (пере)описания, или ре-дескрипции (*redescription*) «Я» [4. С. 10-12; 5.С. 28]. Такое самосозидание и поиск эстетического удовлетворения мотивируются «желанием охватить все больше и больше возможностей» и избежать ограничивающих «унаследованных (*inherited*) описаний».

Главной характеристикой «эстетической жизни», с точки зрения Рорти, является ее радикальная новизна. Те «исключительные индивиды», которые пытаются превратить свою жизнь в произведение искусства, стремятся к уникальности; они не могут позволить, чтобы их жизнь была «копией или репликой» или даже «элегантной вариацией на темы уже существующих творений» [3. С. 11; 5. С. 28]. Такими фигурами – «мастерами» эстетической жизни – для Рорти яв-

ляются «либеральный ироник» и «сильный поэт». Ироник (как противоположность метафизику) для философии Рорти – ключевая фигура. Он характеризует стратегию жизнедеятельности, базирующуюся на представлении Рорти о случайном характере человеческой культуры, нравственного сознания и правил «языковых игр» [1. С. 91]. Эстетическая жизнь ироника (или «любопытного интеллектуала») – это движение, игра, непрестанное самоотрицание и самосовершенствование, это жизнь «бесконечного любопытства»; жизнь, которая тяготеет скорее к расширению своих собственных границ, чем к нахождению своего ядра, центра. Ироник испытывает «радикальные и непрекращающиеся» сомнения относительно любого «словаря», который в настоящее время выбирается или рассматривается в качестве определяющего для самоописания и этической идентичности (Рорти называет его «конечным словарем»), и таким образом постоянно ищет новые и лучшие формы воплощения своего «Я» [4. С.11-12]. Фигура «сильного поэта» также чрезвычайно важна для философской концепции Рорти, в которой истина связана не с познанием и осмыслением реальности, а совпадает с процедурой создания новых языков. Сильный поэт – это человек, который смог преуспеть в поисках своего собственного уникального «словаря», воплотив при этом социально значимые тенденции. Создание собственного «словаря» подчеркнуто индивидуалистично: строгий поэт стремится создать себя в качестве особенной, уникальной личности, постоянно ведомый «страхом увидеть себя только копией или репликой»; не находя в реальности нужных слов и метафор, он в своем «словаре» воспроизводит свой собственный мир.

Свою идею «эстетической жизни» Рорти относит исключительно к частной сфере. Его «этика вкуса» – это «частная мораль», а не социальный проект, поскольку он резко разводит частную и публичную сферы, усматривая в них разные языковые игры. Он высоко оценивает поиски позднего Фуко и его идею «эстетик существования», но, называя Фуко «королем автономии», не принимает его политического радикализма. Фуко он характеризует как «романтического интеллектуала, который живет в эпоху либерализма» [4. С. 328]. Задача романтического интеллектуала – «изобретение» своего «Я», и Фуко как «хороший либерал» стремится за каждым сохранить это право. Но как только «романтический интеллектуал» начинает претендовать на то, чтобы опыт его «частного «Я» использовался как модель для других, пытается перенести свои поиски в публичную сферу, он перестает быть либералом. «Самоконструирование» как цель романтического интеллектуала, пишет Рорти, кажется мне хорошей моделью для индивидуального человеческого бытия и очень плохой моделью для общества. Нужно отказаться от поисков проектов солидарности, удовлетворяющих желанию автономии» [4. С. 332]. После Фрейда, подчеркивает Рорти, нельзя говорить о каких-либо универсальных нравственных принципах. Человек свободен в экспериментировании с собственной жизнью, в создании «словарей» частной морали. В этой сфере индивид может свободно творить себя, но «публичные цели», по Рорти, требуют общего словаря – словаря взаимного при-

способления, существующего безотносительно от «приватной идентичности граждан». По мнению Рорти, при таком разведении публичной и приватной сфер значение человеческой субъективности, поиск своего «Я» сочетаемы с любым видом политики.

Шустерман поддерживает идею Рорти о возрастании «этики вкуса» в современном обществе, которую также объясняет распадом традиционных моделей этического, характерным для постмодернистской мысли антиэссенциализмом в понимании человека [7. С. 347-348]. Он считает рортовскую идею «эстетической жизни как этики» перспективной. Эстетизм выступает для философа как в качестве способа жизнедеятельности, так и в качестве способа концептуализации реальности в (пост)постмодернистскую эпоху. Его программная, наиболее известная книга, в которой он дает целостное обоснование своей неопрагматистской концепции, называется «Эстетика прагматизма: жить эстетически, переосмыслить теорию искусства»[6].

В сравнении с рортовской, версия «эстетической жизни» Шустермана является менее интеллектуализированной и элитарной, она в большей степени связана с анализом социально-культурной ситуации рубежа XX-XXI вв. Шустерман считает, что эстетизация этики – объективный процесс, являющийся следствием эстетизации повседневности, «размывания границ между искусством и жизнью» [8. С. 62-63]. Поэтому рассмотрение «эстетической жизни» соотнесено у Шустермана с анализом «массовой» культуры, «нового вкуса и чувствительности», практик «самоконструирования» и стилизации. По Шустерману, этическая аргументация проблемна при возникновении новых, порождаемых современностью проблем (например, множественность присущих человеку социальных ролей), особенно проблемна – в фундаментальном вопросе относительно выбора жизненного стиля. В отсутствие «оснований оправдания этического», полагает Шустерман, выбор человеком стиля жизни – это вопрос скорее эстетики, нежели этики; здесь «эстетическая аргументация» становится более предпочтительной, поскольку такой выбор требует чувства гармонии или творческого воображения [6. С. 249].

Свою версию «эстетической жизни» Шустерман обосновывает, полемизируя с Рорти. Он признает роль Рорти в своем движении от аналитической философии к неопрагматизму и поддерживает его проект «реконструкции» философии, но критикует его за «лингвистический эссенциализм», недооценку тем опыта и телесности, академизм и элитарность.

По убеждению Шустермана, рортовское видение «эстетической жизни» основано на ошибочном понимании сущности эстетического и художественного творчества, а именно абсолютизации новизны как ведущего ее критерия [6. С. 348]. Рорти, считает Шустерман, страдает от современной «привычки» понимать искусство слишком узко, как непременно связанное с радикальной новизной и индивидуалистической уникальностью, хотя такую эстетику, постмодернизм все настойчивее ставит под вопрос. Он выделяет три основных «жанра» «эсте-

тической жизни». Первый жанр – «муровско-блумсберианский»; в его основе – наслаждение красотой, «созерцание и потребление прекрасных объектов». Второй жанр – вариант «У. Пейтера – О. Уайльда» – представлен в поздне-романтическом идеале эстетизма. Шустерман характеризует эту версию «эстетической жизни» как классическую. Здесь речь идет не столько о «потреблении» эстетического, сколько о стремлении человека превратить свою жизнь в произведение искусства. К третьему «жанру» он относит версию «эстетической жизни», которую называет «рортовско-фаустовской» и пишет о возможности нерортовской перспективы «эстетической жизни» в современном обществе [б. С. 350-351].

У Рорти «эстетическая жизнь», предполагающая постоянное изменение, стремление к новым возможностям и поиск уникальности, противопоставляется жизни «аскетической». Под аскетической жизнью Рорти понимает жизнь «центрированную», то есть подчиненную определенной цели, определенному представлению о том, что есть благая жизнь. Шустерман считает такое противопоставление неоправданным. Рассматривая рортовское понятие сильного поэта, он замечает, что, отождествляя художническое созидание с инновационной уникальностью, Рорти отождествляет автономию с оригинальным самоопределением, свободу – с исключительностью и радикальным индивидуализмом. Рортовское «принуждение» к уникальности и концентрация на личной исключительности оцениваются им как форма не-автономии [б. С. 248,250]. Страх быть «точной копией или репликой» предполагает очень незначительный смысл «Я» и является односторонним понятием индивидуальности.

Шустерман считает, что ироник и сильный поэт на самом деле могут представлять две весьма различные формы «эстетической жизни», которые Рорти смешивает, делая акцент на самообогащении и самосозидании через поиск нового опыта и языка. По мнению Шустермана, цели «самообогащения» и «самосозидания» не идентичны и могут противоречить друг другу. Стремление к бесконечному поиску и изменению (в рортовской версии) может мешать концентрации, необходимой для того, чтобы создать свое «Я» «сильным и удовлетворяющим способом» [б. С. 247].

По мнению Шустермана, рортовская «эстетическая жизнь» романтична в своем неустанном, жадном «фаустовском» стремлении к новизне. Это поиски, которые являются столь же разнообразными, сколь и неструктурированными, «нецентрированными». Однако отсутствие какого-либо структурирующего центра (который не является универсальным, статически постоянным) препятствует становлению в качестве уникального «Я». «Фаустовское» требование новизны через умножение альтернативных и часто бессодержательных «словарей» и «само-написаний» делает перспективу интегрального «Я» сомнительной, а без такого «Я» стремление к «самообогащению» и «самосозиданию» превращается в интеллектуальную игру, что обесценивает рортовскую идею «эстетической жизни».

Для самого Шустермана эстетизация индивидуальной жизни проявляется не столько в новизне и уникальности, как у Рорти, сколько в том, что от жизни мы ждем той же цельности, выразительности и завершенности, что и от произведения искусства [8. С. 348]. Проект Шустермана не сводится к требованию эстетического самосозидания и принимает во внимание необходимость созерцательной красоты.

Анализируя рортовское видение «эстетической жизни», Шустерман критикует Рорти за «лингвистический эссенциализм» [8. С. 348-350, 348, 376] и настойчиво подчеркивает свое отличие от Рорти в этом вопросе. Ошибкой Рорти Шустерман считает то, что тот не принимает во внимание соматическое измерение опыта. В намерении Рорти обосновать проект «эстетической жизни» недооценку роли телесного Шустерман считает особенно непродуктивной, акцентируя связь эстетики с созерцанием и чувственным удовольствием. Он убежден, что «эстетическая жизнь» должна культивировать удовольствие и дисциплину тела. Хотя соматический опыт может не поддаваться языковой формулировке, его вклад в формирование сознания и индивидуальности нельзя отрицать. В акцентировке проблемы телесности Шустерман следует Дьюи, и особенно, Фуко [9. С. 530-531]. По его мнению, хотя Рорти верно настаивает, что «Я» структурируется «словарем», Фуко также прав, подчеркивая, что «Я» является продуктом дисциплинарных практик, «надписанных» на теле. И если мы можем трансформировать (и освободить) свое «Я» через новый язык, мы можем также, возможно, освободить и преобразовать это через новые телесные практики [6. С. 260]. Шустерман оговаривается, что он не рассматривает работу «через тело» как автономный путь к приватному совершенствованию и самосозиданию. Так же, как и язык сильного поэта, тело не является абсолютно «приватным», в значительной степени оно формируется доминирующими социальными практиками и идеологиями, а значит, не свободно от лингвистических маркировок. Тем не менее, по Шустерману, этот факт не означает, что работа над «Я» через тело не может служить источником сопротивления им с помощью альтернативных телесных практик и большего телесного «понимания», «вчувствования» (*somatic awareness*). Такая работа сама по себе не является серьезным вызовом социально-политическим структурам, но, возможно, может привить установки и поведенческие образцы, которые будут способствовать социальным преобразованиям. Он выдвигает идею «сомаэстетики» (*somaesthetics*), предлагаемой также в качестве дисциплинарного проекта. По Шустерману, сомаэстетика условно может быть определена как исследование многообразного телесного опыта с акцентом на рассмотрении телесности как центра чувственно-эстетической оценки окружающего мира. Цель сомаэстетики – определение путей творческого самоконструирования и изучение эстетических технологий формирования телесности [10. С. 123-124].

Значительное внимание Шустерман уделяет теме гедонизма: удовольствия делают ценной человеческую жизнь, они могут культивироваться, чтобы сде-

лать жизнь удовлетворяющей и более эстетически богатой [6. С. 260-261]. Видение «эстетической жизни» у Рорти он считает продуктом «пуританской и капиталистической Америки», так как тело у него никогда не упоминается в связи с чувственным удовольствием. Такая жизнь – это скорее безжизненное «производство» и «накопление» новых словарей и новых нарративов, чем чувственное удовлетворение или удовольствие (понятие, которое Рорти едва упоминает), скорее жизнь «трудолюбивого созидания», чем эстетика чувственного наслаждения. Рассматривая работы «позднего» Фуко, он принципиально расходится с ним в трактовке телесного удовольствия как принципиально трансгрессивного; считает неоправданным «изгнание» удовольствия из повседневной жизни и рассматривает тело как тонкий инструмент для его получения.

В рассуждениях Рорти Шустерман видит противоречие: Рорти стремится исключить не-лингвистическое из значимо человеческого (и эстетического), однако, характеризуя либерализм, он определяет его как «желание избежать жестокости и боли». Либеральное общество, по Рорти, не признает каких-либо свойств человеческой природы, кроме одного: способности в равной мере чувствовать боль [5. С. 65,92,177-178]. Для Рорти боль конституирует фундаментальную неизменяемую действительность мира, которая не может быть побеждена нашими трансформативными нарративами. Как внелингвистическая данность, боль – это тот феномен, который понятен всем, вне зависимости от их индивидуальных словарей [5. С. 40]. Шустерман обращает на это внимание: неподдающаяся трансформации действительность, которая есть «только сила и боль», является почти метафизическим утверждением, так что у Рорти *нелингвистическое* возвращается с удвоенной силой в форме боли и почти угрожает перечеркнуть язык как наиболее важную человеческую характеристику [6. С. 258-259].

Шустерман выдвигает также аргументы против рортовского понимания «эстетической жизни» как приватного проекта. Наиболее проблемным, по мнению Шустермана является то, что Рорти не проясняет связь, интегрирующую индивидуальные нарративы в «моральный словарь» публичной жизни. Апелляция к «солидарности» в концепции Рорти обнаруживает противоречие между элитарным характером практик самоконструирования и обоснованием демократии. Идея в том, что каждый может быть уникальной индивидуальностью, просто конструируя себя через свободный и персональный выбор жизненных стилей, не может перечеркнуть тот факт, что не только возможный набор жизненных стилей, но и сознание самого индивида являются социально обусловленными [6. С. 256].

Шустерман обращает внимание на следующее: Рорти сам признает: новый язык строгого поэта связан с «языком прошлого», а для того, чтобы быть воспринятым, – с «языком будущего». Кроме того, успех его/ее приватных (как предполагается) поисков, по существу, зависит от общественного признания; по Рорти, как раз в этом заключается различие между оригинальным «гением» и

просто мнимой «оригинальностью». Что более важно, замечает Шустерман, сам идеал рортовского приватного «самосозидания» – стремление к оригинальности и новизне – является продуктом воздействия определенной социальной области. Это область художнического и интеллектуального соревнования с его логикой все возрастающей индивидуализации. Тот факт, что социальное воздействие интернализируется индивидуальными агентами, не делает их поиски исключительно приватными по характеру, и так называемый «приватный этический проект» не может быть свободным от общественных влияний и последствий. «Приватные» поиски ирониста не в меньшей степени находятся под влиянием общества: не нужно быть слишком проникательным, – пишет Шустерман, – чтобы увидеть в его непрекращающемся «эстетическом поиске нового опыта и нового языка» культивацию новизны, которая поддерживается все ускоряющимися темпами потребления в современном обществе [6. С. 256].

Шустерман иронично замечает, что рортовская мысль, его требование приватного «самосозидания» через поиск все нового и нового опыта и «словарей» и осуществляемая им его «приватизация» морали отражают особенное «публичное» и более широко – общество, которое сформировали его мышление, а именно интеллектуальная среда и консьюмеристский мир позднекапиталистического либерализма. Рортовский идеал эстетического поиска нового опыта и нового языка является «философским двойником, консьюмеристского требования максимизировать потребление» [6. С. 255-256]. Программируемое, ориентированное на получение прибыли требование новизны пронизывает все современное потребительское общество, в том числе его этические искания.

По мнению Шустермана, конструирование «эстетической жизни», которая органично соединяет приватное и публичное (общественное), требовало бы пересмотра не только современной этики и политики, но и понимания художественного творчества с его требованием радикальной новизны. Рортовская версия «эстетической жизни» – это продукт глубоко укоренившейся либеральной идеологии и романтической эстетики. Тогда как первое (либеральная идеология) понимает «Я» как сущностно приватное, второе (романтическая эстетика) рассматривает художественное творчество как радикально индивидуалистическое, возводя между «Я» и обществом неодолимый барьер. Шустерман полагает, что до тех пор пока общество разделяет эти либеральные и романтические установки, Рорти, возможно, прав, говоря о невозможности удовлетворительного синтеза. Формирование такого синтеза в настоящее время трудно представить, но освобождение господствующего сегодня понимания искусства от «принуждения» к авангардистскому индивидуализму может этому способствовать.

«Приватизация» морали, превращение ее просто в дело личного саморазвития и «обогащения», – считает Шустерман, – ясно отражает общественную мораль, чья привилегия над автономным приватным индивидом (владельцем собственности или потребителем) была центральной в общественном утверждении капитализма и либерализма. Очевидный парадокс, замечает Шустерман, в том,

что автономия «Я» (как ее понимает Рорти) заключается как раз в том, что она подорвана фрагментированным обществом позднего капитализма. Соревновательный индивидуализм и сопутствующие ему социальные деформации ослабили стабильные и взаимосвязанные социальные роли, которые некогда представляли определенную целостность и устойчивую структуру «Я».

В отличие от Рорти, Шустерман делает акцент на социальном значении «самостилизации», экспериментировании с дискурсом и телесностью в частной сфере. «Политика», по его мнению, начинается с «заботы о себе»: работа «самоконструирования» имеет публичное значение, являясь упражнением в социальной ответственности. Частная работа «самоконструирования» рассматривается Шустерманом как средство, способствующее развитию публичного дискурса.

Если свою концепцию «эстетической жизни» Р. Рорти обосновывает как постмодернистский проект («самоконструирование» с целью достижения радикальной новизны через постоянный поиск нового опыта и, что более важно, нового языка), то Р. Шустерман пытается обосновать его как *пост*постмодернистский. Лиотаровское определение постмодерна «как умирание веры в метанарративы» он считает не вполне приемлемым, поскольку ситуация рубежа XX-XXI веков отлична от ситуации второй половины XX века. Этика (понимаемая широко, как идеал способа жизнедеятельности) вместо метанарративов становится исследованием меньших нарративов, исследованием плюралистических технологий конструирования «Я». Актуальным становится не спор между модернистами и постмодернистами, а спор между «коммунитариями» (Ю. Хабермас, К.-О. Апель, М. Нассбаум) и сторонниками практик эстетического «самоконструирования» (Р. Шустерман, Дж. Абрамс, С. Кейвелл, А. Неймас).

Библиографический список

1. Джохадзе, И. Неопрагматизм Ричарда Рорти / И.Джохадзе. – М: Эдиториал УРСС, 2001.
2. Rorty, R. Freud, Moral, and Hermeneutics / R. Rorty // *New Literary History*. – 1980. – 12.
3. Rorty, R. Moral Identity and Private Autonomy / R. Rorty // *Michel Foucault Philosopher: Essays translated from the French and German by T.J. Armstrong*. – N.Y.;L., 1992.
4. Rorty, R. Freud and Moral Reflection / R. Rorty // *Pragmatism's Freud: The Moral Disposition of Psychoanalysis* / ed. J.H.Smith and W.Kerrigan. – Baltimore: J. Hopkins Univ. Press, 1986.
5. Rorty, R. Contingency, Irony and Solidarity / R. Rorty.– Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 224 p.
6. Shusterman, R. Pragmatist Aesthetics: Living Beauty, Rethinking Art / R. Shusterman. – New York: Rowman and Littlefield, 2000.
7. Shusterman, R. Postmodern Aestheticism: A New Moral Philosophy? / R. Shusterman // *Theory, Culture&Society*. – London: SAGE, 1988. – № 5.
8. The Pragmatist Aesthetics of Richard Shusterman: A conversation / Interviewed by G.Leyboldt // *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik: A Quarterly of Language, Literature and Culture*. – 2000. –V. 48(1).

9. Shusterman, R. Somaesthetics and Care of the Self: The Case of Foucault / R. Shusterman // *Monist.*—2000.— V. 83(4).

10. Shusterman, R. Somaesthetics: A Disciplinary Proposal / R. Shusterman // *Journal of Aesthetics and Art Criticism.* — 1999. — V. 57(2).

Статья выполнена в рамках исследования, поддержанного РГНФ, грант № 07-03-00208a

Статья принята в печать в окончательном варианте 24.08.2007 г.

Sokolova N.L.

IN SEARCHING OF «AESTHETIC LIFE»: R. RORTY AND R. SHUSTERMAN

The article exams the main arguments of R. Rorty and R. Shusterman on «aesthetic life» as ethics and ideal of living in modern age. According to Rorty` position aesthetic «self-creation» is the infinite searches new experience and new language. His clime of aesthetic life is based on anti-essentialism in understanding of the Self. Though Shusterman shares his rejection of essentialism he argues that aesthetic «self-fashioning» includes somatic dimension. He also criticizes Rorty for «linguistic essentialism» and does not accept his vision of «aesthetic life» as exclusively private project.